
И.А. Чудова
(Новосибирск)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЯ: НАМЕРЕНИЕ, ПРЕЗУМПЦИИ, ПРИНЦИПЫ

То, что я написал, никогда не имеет предписывающего значения ни для меня, ни для других людей. В лучшем случае это нечто пригрезившееся и обладающее инструментальной ценностью.

М. Фуко [1]

The antiteleological teleology of things.

Р. Раш [2]

В статье изложена версия концептуализации основных идей генеалогического анализа, принадлежащего постструктуралистской традиции изучения социокультурных событий. Раскрываются положения генеалогического анализа, разграниченные на презумпции (прерывность и непрерывность истории, хронология и одновременность, дискурс-анализ) и принципы (случайность и отсутствие сущности, телесность). Для иллюстрации используется пример события постмодернизма в социальных науках.

Ключевые слова: генеалогия, генеалогический анализ, постструктурализм, постмодернизм, межпоколенные отношения, дискурс-анализ, телесность.

В современной науке имеется множество подходов к анализу социальных феноменов, часть из них обладает четко сформулированными правилами и алгоритмами реализации, часть существует лишь в виде теоретико-методологических набросков. Вариантом последнего может

Ирина Александровна Чудова – ст. преподаватель кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета, аспирант Института социологии РАН. E-mail: dauza@mail.ru.

считаться генеалогический подход. Противоречивый и слабо поддающийся формализации, этот способ анализа может быть особенно продуктивным применительно к изучению столь же неоднозначных и «ускользающих» социокультурных событий, как и он сам. Характерный пример – постмодернизм как направление в социальных науках, для исследования которого, как представляется, требуется специальный, восприимчивый к нюансам и странностям подход.

Изучение исторических предпосылок возникновения события, выявление факторов развития и «угасания» события в случае с социокультурными тенденциями, подобными постмодернизму, встречается с известными трудностями¹. Так, существенными препятствиями при реализации анализа истории такого рода событий можно считать неопределенность исторических и хронологических рамок их существования, слабую подверженность категоризации (в определениях постмодернизма зачастую содержится опровержение события как события [3]) и систематизации их характеристик (свойства подаются как отрицание каких-либо свойств) и т.д. Генеалогический анализ, стилистически когерентный постмодернизму, задает перспективу рассмотрения подобных трудностей как специфик, дает возможность выявить и охарактеризовать историческую связь события с предшествующими событиями, описать его своеобразие в свете и вопреки хронологии².

¹ Среди таких событий рассматриваются предположительно тенденции в области науки, искусства, социальной жизни, маркированные префиксом «пост-»: например, постструктурализм, постимпрессионизм, посткубизм, постметафизика. Согласно собственному обозначению, такого плана тенденции не могут быть подвержены однозначному хронологическому упорядочению, поскольку отсылают к сложной игре актуализации/игнорирования предшествующих событий в настоящем.

² В данной работе генеалогический анализ рассмотрен в постструктуралистской традиции; возможность и применимость прочих версий и трактовок изучения генеалогии не отрицается.

Попытаемся выделить ключевые идеи генеалогического анализа (метода генеалогии) с обращением к означенному примеру события постмодернизма в качестве иллюстрации.

Генеалогический анализ события, согласно своему обозначению¹, подразумевает прежде всего изучение истории, пристальное внимание к панораме истоков, условиям и обстоятельствам его происхождения [5]. Однако обращение к истории в данном случае подразумевает нечто большее чем ретроспективное исследование событий. Сама задумка генеалогического анализа претенциозна – обнаружить и обличительно описать суть, эссенцию эпох, вычленив дух времени за счет задания особой генеалогической перспективы. В общем виде предметное поле генеалогического анализа отсылает к семантике слов, понятий и представлений, что заставляет проследживать, каким образом в процессе истории создаются и пересоздаются кажущиеся незыблемыми идеи и знания [1].

Основные ориентиры в реализации метода задают основатели генеалогического подхода – Ф. Ницше и М. Фуко. В своем труде «К генеалогии морали» Ницше приводит этимологически-философские рассуждения о происхождении и значении понятия «мораль». Согласно его позиции, генеалогия не излагается, а осуществляется, и методическая рефлексия при такой подаче если и возможна, то ограничена [6]. Ницше ведет рассуждение «о происхождении наших моральных предрассудков» [6], связанное с историей значения понятий, тогда как Фуко, в продолжение идей Ницше, ставит задачей «вскрыть условия существования различных мыслительных установок» [6]. Генеалогическая перспектива оформляется с подачи Фуко в особый метод (в работе «Ницше, генеалогия, история»), который автор применяет в своих изысканиях².

¹ От греч. *genealogia*; от *genea* рождение, происхождение, поколение + *logos* слово, изложение [4].

² Существует версия, согласно которой исследование М. Фуко «Археология знания» также близко к идеям, оформившимся впоследствии в

История, привлекающая внимание генеалoga, – это история ценностей (Ницше), метафизических концептов (Фуко). Предметом генеалогического анализа могут выступать определенное явление или их ряд, представления или понятия, хронология которых прослеживается в режиме последовательно разворачивающегося события. Под событием понимается некоторое положение вещей, некогда непосредственно реализовавшиеся в настоящем, но обретшее предельный статус с подачи исследователя; проблематическое и проблематизирующее событие подлежит изучению в контексте условий, с которыми оно многосложно связано [8].

Анализ события подается в некотором отношении как *контр-исторический*, – в частности, Фуко предлагает «превратить историю в противоположность памяти, и, как следствие, развернуть в ней иную форму времени [9]». В то время как анализ истории в изображении Фуко предполагает изучение обстоятельств появления феномена в ракурсе четкого соблюдения хронологии элементов события и событий между собой, и потому неизбежно прибегает к причинно-следственным объяснениям, в генеалогическом изучении *все моменты внутри события, равно как и между событиями, равнозначимы*, прошлое и настоящее как бы уравниваются в правах (без приоритета – настоящего перед прошлым или прошлого перед настоящим).

Столь непрозрачный по своей реализации и идейной программе анализ призван подчеркнуть своеобразие и уникальность всякой исторической точки, всякого события на всей его протяженности [5; 6]. Рассмотрим далее основные идеи, положенные в основу и организующие рамку генеалогического анализа, примеряя их (в первом приближении) на интересующее нас событие постмодернизма в социальных науках.

генеалогический метод. Сам Фуко относил генеалогию к ориентирам анализа социокультурных событий, тогда как археологию – к области средств для реализации анализа [7].

Разделим характерные положения генеалогического анализа на презумпции и принципы. Такое разделение подразумевает, что метод может быть описан с помощью, во-первых, обращения к исходным положениям, принятым в качестве истины (презумпции) и, во-вторых, путем выявления принадлежности метода определенной традиции научной мысли, формирующей платформу метода (принципы). Анализ презумпций позволяет сформулировать *краткий* перечень правил метода, в то время как рассмотрение принципов дает возможность сформулировать *расширенную* версию правил, дополненную традицией, к которой данный метод принадлежит. Иначе говоря, презумпции представляют собой набор ключевых идей-«истин», аксиом, задающих материал для формулирования правил реализации метода, тогда как принципы могут считаться своего рода фоновыми допущениями для реализации метода, опосредованно влияющими на реализацию генеалогического анализа и иллюстрирующими его причастность постструктуралистской традиции. Презумпции и принципы выявлены в результате анализа теоретических работ (преимущественно М. Фуко [1; 7; 9; 10]), а также текстов, посвященных изучению генеалогического метода¹.

1. Презумпции генеалогического анализа

Выявленные в данной работе презумпции генеалогического анализа – прерывность и непрерывность истории, хронология и одновременность, дискурс-анализ – дают возможность артикулировать правила реализации метода генеалогического анализа. Перечислим эти правила:

¹ Стоит подчеркнуть, что данная работа – попытка каталогизировать аспекты генеалогического метода с использованием примера события постмодернизма. Среди альтернативных версий каталогов – генеалогия как качественный метод [11]; генеалогия в ракурсе изучения практик [12].

- совмещать перспективы прерывности (выделять точки, этапы события – историю мысли) и непрерывности (акцентировать связанность событий, преемственность – историю практик);
- отказываться от каузального объяснения, выявлять межпоколенные диалогические отношения событий;
- рассматривать событие как дискурс: раскрывать семантическое и стилистическое своеобразие события через его строение и связь с другими событиями.

Раскрывая теоретическое содержание презумпций, продемонстрируем, как модернизм и постмодернизм, продуктивные в качестве обоюдного соотношения, могут быть рассмотрены как события, связанные многоаспектными отношениями [13].

Прерывность и непрерывность истории

Важной составляющей генеалогического анализа можно считать рефлексивное восприятие истории: различается сама историческая практика и ее осмысление. Последнее организовано как история мысли и всегда дискретно – в отличие от перманентной текучести практики. История мысли, которая «умножает число разрывов и выискивает трудности, порождаемые прерывностью» [10, с. 40], в генеалогической перспективе становится отдельной областью для анализа. Маркированная значимыми событиями, вехами и периодами, история оказывается таковой в описании. По М. Фуко, любой исторический анализ сообщает прерывность истории, так как ставит целью очертить границы события, процесса [10].

Соответственно, изучение генеалогии подразумевает особое внимание к истории как истории мысли – исследованию подлежат выделенные *события, этапы и периоды в их последовательности, а также сами способы их выделения.*

Обращаясь к примеру постмодернизма в социальных науках, культурные тренды можно понимать как события, маркированные историками мысли. Модернизм и постмодернизм являются точка-

ми в истории мысли, ориентирами, вокруг которых организовано описание. Генеалогия постмодернизма «разоблачает» постмодернизм как феномен, принадлежащий истории мысли. В генеалогии может осуществляться *анализ прерывностей, этапов, рубежей*, зафиксированных в этой истории. К примеру, изучаются датировки «появления» постмодернизма, временных рамок, вменяемых эпохам модернизма и постмодернизма.

Фокусировка на практической стороне существования определенного события (внимание к исторической практике в дополнение к истории мысли) дает возможность рассмотреть это событие в его уникальности, показав в нем «не линейно развертываемый исторический процесс, но чередование континуальностей и разрывов» [9]. Таким образом, исторической непрерывности также находится место в генеалогическом анализе – исследуемое событие раскрывается в неоднородности, в движении, с присущими ему оживлениями и синкопами [9]. Событие в данном случае рассматривается – в отличие от прогрессистского понимания движения истории – как переплетение множества противоречивых практик [14].

Соединение перспектив истории мысли и практик(и) открывает лейтмотивный вопрос теории Фуко о формировании субъекта в культуре, чему в конечном счете посвящено всякое изучение генеалогии, – «историческое исследование событий, которые привели к конституированию нас самих и к нашему самосознанию как субъектов того, что мы делаем, мыслим и говорим» [7]. Для соединения перспектив полезным оказывается понятие *дискурса как пересечения мысли и практик в языке* – дискурсы, «артикулирующие то, что мы думаем, говорим и делаем» [7], составляют события в их целостности. Формирование имени события, контекстов его употребления, так называемые практики обращения со словами [12] составляют спектр вопросов для генеалогического изучения события.

Изучение постмодернизма в практическом и дискурсивном его осуществлении будет означать обращение к вопросам межперсональных контактов и школ в их взаимовлиянии, исследова-

ние распространений, взаимопроникновений и кризисов идей и их проявлений в тех или иных сферах социокультурной жизни. Вариантом к рассмотрению могут стать случаи обмена идеями – например, понимание капитализма как эксплуатации желания у Фуко и Ж. Делеза, спецификация тезиса «смерть субъекта» Фуко в текстах Р. Барта, идея интертекстуальности у Ю. Кристевой в ответ на концепцию полифонического романа у М. Бахтина. Возможны вопросы трансмиссии идей в контексте практик – влияние творчества С. Беккета на формирование постмодернистской концепции абсурда, связь артикуляции понятия «постмодернизм» в архитектуре (Ч. Дженкс) и литературе (Ф. де Ониз) в связи с полемикой вокруг понятия «постмодернизм» применительно к обозначению социального состояния – между рьяными адептами (Р. Рорти, Ж.-Ф. Лиотар, З. Бауман) и противниками (Ю. Хабермас, Э. Гидденс).

Хронология и одновременность. Межпоколенные отношения

Значимая позиция в генеалогическом изучении – отход от каузальности, от идеи внешней причинности [6]. Эта позиция обособляет изучение генеалогии от прочих видов анализа и даже, согласно Фуко, противопоставляет генеалогию и историю: «по Фуко, генеалогия – то, что разрушает всякое понятие причинности в истории... разоблачает рациональное или последовательное в пределах времени как мистификацию» [14]. Если хронология событий истории исследуется в причинно-следственном объективистском ключе, то генеалогическая перспектива означает описание вне закономерностей [15] и в целом рациональности [7]. Речь идет о рассмотрении события как практики в существующих социокультурных обстоятельствах, учитывая их переплетение и взаимосвязь [12; 16]¹.

¹ Это утверждение согласуется с изложенной выше презумпцией о прерывности и непрерывности понимания истории.

Как обозначено выше, генеалогия оформляется в анализе как прерывистая траектория с остановками в точках события – этапах, фазах, эпохах и т.п. С учетом обозначенной позиции отметим, что последовательные события не образуют причинную цепочку, но рассматриваются как связанные произвольно. При этом каждое событие понимается как самостоятельное и вместе с тем порожденное прочими событиями как обстоятельствами, что отсылает к идее межпоколенности, *межпоколенного диалога событий*. В таком ракурсе актуализируется столь важная для генеалогии идея преемственности и ее преодоления: события, подобно отцам и детям, оказываются связанными и автономными, открытыми для противостояния и сотрудничества. Связь между событиями концептуализируется в термине «эффект», не подразумевающим причинно-следственных зависимостей [7].

Рассмотрим данную презумпцию на примере хронологической цепочки «философия Ницше – теории Фуко», которая в данном случае трактуется как «событие – эффект». Что это меняет? В частности, это дает пространство для выявления случайностей, что исключалось бы прямой причинно-следственной связью. Так, обоснование получает версия об искаженном прочтении Фуко ницшеанских идей о генеалогии, об онтологизации понятия с подачи Фуко с целью продвижения своей теории истории [17] – в генеалогической перспективе само понятие «генеалогия» случилось как эффект, как случайная возможность, реализованная в текстах Фуко.

Отметим, что отказ от детерминаций присущ самим постмодернистским декларациям [18]: «постмодернизм начал с преодоления всего того, что связывалось с научностью, с онтологией, с антропоцентризмом, воплощавших тоталитарное мышление, демонстрировал уход от жесткой детерминации» [19]. Причинный способ анализа критикуется и изобличается, объявляется, что «обратимость причинного порядка, эта обратимость следствия по отношению к причине, эта прецессия и эта победа следствия

над причиной» (цит. по: [20]). И напротив, модернистский способ мысли зачастую характеризуют как ориентированный на утверждение рациональности и причинности [21]. Примечательно, что постмодернизм следует хронологически после-модернизма, но, объявляя равнозначимость всех событий истории, эмансипируясь от необратимости времени [18], определяет себя, с подачи своих адептов, не следствием, но случайным эффектом модернизма.

На интересующем нас примере рассмотрим подробнее вариант отношений и связи событий в перспективе генеалогии. «История может быть сочленена в крупные единства – в стадии или в фазы, – несущие в себе свой собственный принцип связности» [10, с. 47], в таком случае модернизм и постмодернизм как течения культуры и хронологически последовательные этапы в истории мысли могут быть поняты как два взаимонаправленных события для анализа. Отход от причинного объяснения позволяет отменить доминанту исторически предшествующего события [20], возвращает ему статус настоящего, ныне актуального – модернизм и постмодернизм в таком рассмотрении оказываются равнозначимыми взаимонаправленными событиями генеалогии [22].

Какого рода отношения можно отследить между событиями, одно из которых случилось хронологически позже другого? Перечислим вкратце аспекты этого отношения, ориентируясь на идеи постмодернизма.

Резонно учитывать прежде всего, что постмодернизм в его проявлениях, согласно оценкам экспертов, организован как реакция на модерное и даже до-модерное прошлое [23]. Саму реакцию можно обозначить как скепсис и отрицание [22; 24]. Интеллектуальное событие постмодернизма сконструировано как антипод модернизму: «постмодерность – это культура нарушений, стремящаяся разрушить культурные границы и табу модерности» [25, с. 10]. Ряд программных установок постмодернизма организован по принципу «наоборот», где место этики занимает эстетика, теория подается как антитеория [26].

Особенностью связи событий модернизма и постмодернизма стоит считать ориентированность последнего на материал первого, заимствование. Постмодернизму присущ отказ от изобретения новых форм в пользу иронической – в виде пародии, коллажа, стилизации и цитирования [27] – комбинаторики замыслов и приемов модернизма (и предшествующих событий). Говорится, что постмодернизм в идейном плане ничего не привносит, но испещрен игровыми реминисценциями на прочие культурные тенденции. Постмодернизм использует модернистский контент характерным для себя способом, т.е. как товар и средство потребления, когда «сама история оказалась вовлеченной в истерию потребления – настоящее стало походить на тотальную распродажу прошлого» [27, с. 152].

Плотная связанность события постмодернизма с модернизмом зафиксирована на уровне этимологии/морфологии. Так, «modo» означает «прямо сейчас», указывает на текущий момент, тогда как «post-Modo» оказывается соседствующим по очередности, хотя и проблематичным для понимания, поскольку указывает на момент «после-настоящего», «после того, что прямо сейчас» [27], что можно трактовать как апелляцию как к будущему, так и к концу (выход за рамки) временного измерения. Словоформа указывает на привязку постмодернизма к модернизму, состоящую, созвучно пониманию самой генеалогии, в намерении отклониться от традиций и правил модернизма, вступить в неизбежную полемику с унаследованным.

Существенной чертой отношения этих двух событий можно считать межпоколенную преемственность [28] и в этом плане диалогичность – модернизм намечает постановки проблем, варианты решения, которые далее в обозначенном безвременно (*post-Modo*) дополняют, пусть и через опровержение, постмодернизм. Последний невозможен без первого, тогда как первый находит в последнем свое продолжение. Есть основания предполагать в постмодернизме углубление тенденций модернизма [29].

Однако презумпция межпоколенных отношений оправдана не только в том смысле, что согласуется с декларациями постмодернизма, но и в том, что постмодернизм как тенденция в культуре со-присутствует с модернизмом в социальных науках, причем проявления того и другого соседствуют и влияют друг на друга: например, анализ институционального дискурса (на слиянии и уточнении модернистской концепции институтов путем постмодернистского понятия дискурса), изучение социализации в ракурсе идентичности (соединение постмодернистских идей об идентичности и постмодернистских теорий социализации), неоактивистские теории в социологии (переопределение модернистских тезисов с учетом опыта постмодернизма – в работах А. Турена, Х. Йоаса и др.). Применение данной презумпции к самому генеалогическому методу позволяет поставить вопрос о диалогическом взаимовлиянии теорий Ницше и Фуко – речь идет об осмыслении идей Ницше в свете идей Фуко, возможности уточнить связи и противоречия теорий с учетом реверсии, «столкнуть» идеи Ницше и Фуко в прениях, релятивизировать преемственность¹.

Дискурсивный анализ

В отличие от исторического анализа, акцентирующего причинные связи, метод генеалогии предполагает применение дискурс-анализа. Дискурс-анализ помещен в генеалогическое изучение как способ работы с материалом внутри комплексной стратегии, сам Фуко характеризует дискурс-анализ как методологию исследования, в то время как генеалогическая перспектива определяет миссию и рамку этой методологии [1].

Существенным оказывается смысл понятия «дискурс», которое охватывает конфигурации практик, их осмысление и словесное

¹ В данном случае освещен спектр вопросов при реализации генеалогического анализа генеалогического метода – что, впрочем, выходит за рамки данной работы.

оформление [12]. Дискурс становится «местом» существования нелинейно понятых событий: именно в отношении дискурса не работает причинность [21], но прослеживается взаимное влияние и нелинейность [5], одновременная представленность прошлых и текущих событий в их диалогическом (и даже полилогическом) отношении. Фуко, в частности, предлагает рассматривать дискурс как «стратегические игры действия и реагирования, вопроса и ответа, господства и уклонения, а также как отношения борьбы» [1, с. 42].

История в генеалогической перспективе изучения предстает как цепочка внутрдискурсных событий, каждое из которых, несмотря на историческую последовательность осуществления, выступает причиной (контекстом) становления и также следствием (эффектом) другого события. Данный вид анализа позволяет дробить событие на компоненты и соединять их в общие смыслы, пристально и детально изучить содержание исследуемых событий. Генеалог обращается к выявлению «маленьких, незаметных истин, найденных строгими методами» (цит. по: [9]), существующих в структуре и способе применения понятий, утверждений. Событие распадается на тексты, фразы, правила формирования и использования понятий [10]. В самом событии ведется исследовательский поиск закономерности, понятой как внутренняя устойчивость, стилистическая когерентность. Примечательно, что для выявления специфики содержания зачастую используется «систематическое сравнение» [10] хронологически отстоящих событий. Исторический уклон исследованию событий сообщает описание контекста, освещение разнородных предпосылок, условий существования события (дискурса) [30]. В итоге на основании анализа содержания события и его контекста вырисовывается его обобщающая характеристика, обозначаемая как режим знания [21], дискурсивная формация, культурная тенденция и т.д.

Отдельный акцент дискурс-анализа генеалогии – стремление расшатать каноническое знание. Развенчать устоявшиеся пред-

ставления, релятивизировать проявления события – вот ориентиры генеалога. Так, Ницше считает должным разоблачить исторический смысл ценностей: «Нам необходима критика моральных ценностей, надо, наконец, усомниться в самой ценности этих ценностей» [31, с. 9]. Фуко намеревается производить «подрывное» знание [9], дезавуировать истины и идеологии [6]. По его словам, «надо сделать следующее: продемонстрировать, каким образом благодаря дискурсу, понятому как комплекс стратегий, составляющих социальные практики, формируется исторический субъект познания» [1, с. 43]. Достичь подтекста, обнаружить своеобразие события через исследование его внутренних правил, сравнить его с прочими и описать его место в их черед, его отношение к другим событиям – все это, имея изболочительный оттенок, составляет колорит генеалогического анализа.

Применительно к вопросу исследования постмодернизма, дискурс-анализ отсылает к изучению концептуальных тем, тезауруса, связей между понятиями в постмодернизме в ракурсе раскрытия его идеологии, запрятанной в интра- и интертекстовых переплетениях. К примеру, анализ связи общих понятий Хаосмос (У. Эко) и Ризома (Ф. Гваттари, Ж. Делез) плюс их соотнесенности с такими диагностическими понятиями, как Общество Потребления (Ж. Бодрийяр) или Закат Метанарраций (Ж.-Ф. Лиотар) открывает идеологический сюжет множественности и ускользания. Стилистическая и содержательная когерентность дискурса позволяет сделать вывод о правилах пользования понятиями Хаосмоса и Ризома в духе данной идеологии (непоследовательный, эклектичный способ применения, избегание жестких дефиниций), а также о концептуальной картине социального мира в их изображении (с лабильной структурой, множественного и противоречивого).

Необходимым аспектом изучения оказывается соотнесенность постмодернистского дискурса с модернистским в ракурсе столкновения и борьбы словарей и соответственно идей, где оппозиция содержит в своем подтексте связанность и соединен-

ность. Пример такого соотношения – контртезис Ж.-Ф. Лиотара Ю. Хабермасу о «подозрительности консенсуса», столкновение понятий «консенсус» и «распри».

Одной из адекватных генеалогическому анализу задач может стать выявление связи классических модернистских понятий с постмодернистскими, интерпретация их семантических связей с учетом социокультурного контекста и эмпирических предпосылок их появления. В аналитических текстах, посвященных специфике модернизма и постмодернизма, зачастую встречается дискретное описание тезаурусов, тогда как дискурс-анализ позволяет выявлять соответствия и преемственности понятий – так, ставится вопрос о смысловой связи понятий Дискурса и Института, Ризомы и Системы, Деятельности и Практик и т.д.

2. Принципы генеалогического анализа

Дополнив презумпции за счет рассмотрения принципов, характерных для традиции, к которой принадлежит генеалогический анализ, можно предложить расширенный перечень правил при реализации генеалогического метода в исследовании:

1) на уровне истории мысли выделять этапы и периоды (как осмыслялось событие, как концептуализировалось на разных этапах); на уровне практик – обращаться к пересекающимся и смежным событиям;

2) невзирая на хронологическую цепочку событий в истории, рассматривать отношения между событиями как диалог;

3) рассматривать событие как уникальное средоточие случайных условий, избегать причинно-следственных обобщений в анализе события; выделять множество условий события (социальные обстоятельства, смежные события), рассматривать их как содействующие и противоборствующие изучаемому событию;

4) анализировать событие как дискурс: выделять концептуальные понятия и связи между ними с учетом как внутрисобытийного стиля, так и связи события с прочими событиями.

Рассмотрим теоретическое содержание принципов, задающих контекст видения предмета в генеалогическом анализе и служащих сцеплению поструктуралистских идей и презумпций метода. Так, борьба и случайное сцепление событий сообщают основу идее межпоколенных отношений, акцентируют связь текста и контекста в дискурс-анализе. Телесность как свойство обосновывает непрерывность практик, принадлежность события множеству обстоятельств, тогда как принцип отсутствия сущности подкрепляет отход от каузальности и множественное дискурсивное изучение.

Борьба событий, случайность

Пожалуй, основополагающей идеей генеалогического анализа можно считать понимание крайней случайности сочетания событий, хаотичности комбинаций сюжета истории. Генеалогическое рассмотрение видит в истории подвижную неистовую событийность с великими лихорадочными оживлениями, со своими синкопами [9], подлежащими аналитическому выявлению. Такого рода анализ не выстраивает монолитных хронологических цепочек, не выделяет однозначных оснований, но, напротив, множит гетерогенность, проблематизируя происхождение [6]. События при всей их отделенности в качестве предмета анализа находятся в состоянии хаотического взаимоперетекания, согласно воззрениям Фуко, «вместо того чтобы восстанавливать цепочки умозаключений... вместо того чтобы устанавливать таблицы различий... [описывать] системы рассеивания» [10, с. 92–93].

Работа с неупорядоченным набором условий, обстоятельств и компонентов события с позиции генеалога дает возможность для разнопланового и близкого историческому процессу освещения события. В таком случае, что принципиально значимо, удастся обнажить случайный характер самих событий и истории как их сочетания, как случайной игры доминаций [9]. Иначе говоря, изучение генеалогии призвано расшатать причинно-следственную

картину истории, открыв, что «в корне познаваемого нами и того, чем мы являемся сами, нет ни истины, ни бытия, но лишь экстериторность случая» [9]. Понимание генеалогами того, как создается история, поистине драматично («лишь практики и драмы» [14]) – эпохи и этапы истории окрашены взаимодействием всевозможных сил (ценностей, обстоятельств, дискурсов), которое порой принимает форму явных или подспудных битв. Это представление развито еще у Ницше, который утверждает битву ценностей «тысячелетним смертным боем» [31] путем нападений, маскировок и хитростей [6]. Получается, на взгляд генеалогов и шире – постструктуралистов, что события случаются в результате множества совпадений, в результате содействия одних обстоятельств и вопреки противоборству других, «подобно счастливому совпадению и результату длительного компромисса» [1, с. 48]. В связи с этим исследование события подразумевает анализ разного плана обстоятельств «за» и «против», описание всевозможных содействующих случайностей.

Адаптируя этот принцип к нашему примеру, отметим, что изучение интеллектуального события постмодернизма предполагает обращение к предшествующим течениям мысли в смежных науках, к социальной ситуации его возникновения, к его адептам и противникам, к веренице случаев в культуре и искусстве, помогших ему состояться. «Постмодерн – оспариваемая (*contested*) территория и место борьбы между теми, кто определил и присвоил ее и теми, кто бы дискредитировал и ниспроверг ее» [22]. И вновь мы приходим к тому, что наиболее информативным должно оказаться изучение модернизма как события-предшественника – так, в описаниях постмодернистской культуры находим, что «западная традиция состоит и черпает силы из того, с чем, по сути, находится в состоянии войны» [27, с. 8].

При выяснении генеалогических корней постмодернизма уместно ориентироваться на множественный поиск в науке, обществе, культуре, где историю создают столкнувшиеся случаи, «ее

[истории. – И. Ч.] удары, ее сюрпризы, ее неустойчивые победы, ее поражения, которые все вместе ведут отсчет началам, атавизмам и наследственности» [9]. Постмодернизм, очевидно, следует осмыслить, согласно общей рекомендации Фуко, как дискурсивную формацию, повлиявшую на самосознание человечества, определив ее как «случайность, заставившую нас быть такими, какие мы есть, возможность существовать, действовать или мыслить иначе, чем мы существуем, действуем и мыслим» [7].

Отсутствие сущности, телесность

Следующий принцип генеалогического изучения касается представления о происхождении, об истоках того или иного события. Как упоминалось выше, генеалог увлечен множественностью условий и случаев, предшествующих событию. В отличие от исторического анализа, генеалогическое изучение не обращается к центральным факторам, но к множеству локальных событий [2]. Задачей анализа становится выявление разного плана случайностей, обусловивших возникновение события [6], и, как значится, изучение начала обнаруживает бесчисленное множество начал [6]. В генеалогической перспективе событие понимается как результат пролиферации предшествующих, через которые (благодаря и против которых) оно было образовано [9]. Интересно, что изучение происхождения как бы растворяет событие, так как его целостность распадается на множество организующих событий: «поиск истока не приводит к основе, напротив, он растревоживает то, что мыслилось неподвижным, он дробит то, что полагалось единым, он показывает гетерогенность того, что мнилось пребывающим в согласии с самим собой» [9]. Данная идея выводит к исходному взгляду основателей генеалогического подхода, считающих, что не существует единой сущностной причины или основания феномена. Событие не было предопределено, уверены генеалоги, оно порождено случайностью и

лишено вневременной сущности [6]. Однако чем тогда подкреплена уникальность события? Как раз этой множественностью случаев, давших возможность событиям состояться, – тем, что они скроены из «частиц чуждых им образов» [9]. Можно сказать, уникальность события – в его неавтономности, в неповторимой связанности с прошлым, с другими событиями.

Очерченные идеи позволяют углубить излюбленную в генеалогическом анализе, как и в постструктурализме в целом, метафору тела. В этом контексте тело, телесность служит так называемой начертательной поверхностью событий, олицетворяет временность и преходящую целостность события [14]. Тело понимается, кроме того, как место столкновения разнородных сил, уничтожений и побед на исторической арене. Фуко применяет метафору тела, поскольку именно тело, на его взгляд, вбирает и олицетворяет прошлое и настоящее. Тело непоследовательно, разнородно, но процессуально, переносит моменты прошлого опыта в текущие желания [6]. Генеалогии необходимо понимать изучаемый предмет как *тело, подвижный и текучий феномен, охватывающий и превосходящий аналитически выделенные события*: «генеалогия как исторический анализ, расположена в сочленении тела и истории» [6]. По Фуко, генеалогический анализ должен сопрягать историю и тело, видеть в событии их взаимное воздействие [6]. История, понятая с подачи генеалогов как тело развития [6], скроена из сплетения событий, и каждое из них не изолированно (и в этом плане лишено собственной сущности), хотя и оставляет неизгладимый след (стигмат – у Фуко).

Постмодернизм как пример события, анализируемый генеалогическим методом, открыт аналогиям с телесностью как процессуальностью («существенным признаком постмодернизма является размытость оппозиций между словом и экзистенцией, текстом и телом» [3, с. 30]), как отрицание сущности – в самом обозначении [21]. Принцип телесности и отрицания сущности находит свое применение в самих постмодернистских текстах

и понятиях – «Тело без органов» (Ж. Делез и Ф. Гваттари), Тело как «желание-сказать» (Ж. Деррида), «Смерть Автора» (Р. Барт).

* * *

По итогам проведенной систематизации положений, раскрывающих методологию генеалогического анализа, можно отметить, что генеалогия оказывается комплексным, идейно нагруженным концептом, подразумевающим своеобразное видение истории, связи и осуществления событий. Выявленные презумпции и принципы составляют характерный ракурс, задают логику генеалогического прочтения феноменов (событий). Генеалогический анализ, согласно встроенным в него убеждениям, применим для изучения событий, чьи хронологические рамки не определены и не могут быть определены однозначно, и к которым не вполне применим причинно-следственный анализ ввиду их осложненной и противоречивой идентификации и концептуализации. В частности, социокультурная тенденция постмодернизма (событие постмодернизма), рассмотренная в ракурсе генеалогии, получает особо «приближенную» к своей подаче, *стилистически когерентную* интерпретацию. Постмодернизм, понятый как дискурсивно-телесное событие, получает многоплановое освещение: в генеалогический анализ включены как этапы и кризисы категоризации данного события в истории мысли, так и череда содействующих практик (в недетерминистском ключе, но как случайное сочетание разнородных обстоятельств). Принципиально продуктивным для понимания события постмодернизма представляется то, что в генеалогическом прочтении это событие раскрывается как событие межпоколенных отношений «модернизм/постмодернизм» – противоречивого диалога, постоянной борьбы и неизбежной связанности понятий, словарей, смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2 / Пер. с фр. М.: Практис, 2005.
2. Resch R. Modernism, Postmodernism, and Social Theory: A Comparison of Althusser and Foucault // Poetics Today. 1989. Vol. 10. No. 3 P. 511–549.

3. Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
4. Генеалогия // Большой медицинский словарь [on-line]. URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/11585>.
5. Можейко М., Румянцева Т. Генеалогия // Новейший философский словарь. Минск: Интрепрессервис; Книжный дом, 2001. С. 228.
6. Генеалогия // Мир словарей: Философский словарь [on-line]. URL: http://www.mirslovari.com/content_fil/GENEALOGIJA-5307.html.
7. Фуко М. Что такое Просвещение // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 335–360 [on-line]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_18.php.
8. Грицанов А. Событие // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис, 2001. С. 779–784.
9. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск: Красико-принт, 1996. С. 74–97 [on-line]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/fuko>.
10. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
11. Kendall G, Wickman G. Using Foucault's Methods. London: Sage, 1999.
12. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. М.; СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001.
13. Müller M. Discourses of postmodern epistemology: radical impetus lost? // Progress in Development Studies. 2006. Vol. 6. No. 4. P. 306–320.
14. Pecora V. Nietzsche, Genealogy, Critical Theory // New German Critique. 1991. No. 53. P. 104–130.
15. Ильин И. Мишель Фуко – историк безумия, сексуальности и власти // Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
16. Колесников А. Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. С. 5–30.
17. Stevens J. On the Morals of Genealogy // Political Theory. 2003. Vol. 31. No. 4. P. 558–588.
18. Давыдов Ю.Н. Патологичность «состояния постмодерна» // Социологические исследования. 2001. № 11. С.3–12.
19. Алейник М. Образ человека во французской постмодернистской литературе: спектр антропологических учений. М.: ИФ РАН, 2006 [on-line]. URL: <http://ec-dejavu.ru/p/Postmodernizm.html>.
20. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки: критика современной философии постмодерна / Пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002 [on-line]. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1052.html.
21. Raulet G. From Modernity as One-Way Street to Postmodernity as Dead End // New German Critique. 1984. No. 33. Modernity and Postmodernity. P. 155–177.

22. *Kellner D.* Theorizing the Present Moment: Debates between Modern and Postmodern Theory // *Theory and Society*. 1999. Vol. 28. No. 4. P. 639–656.
23. *Dieck A., Parsons Th.* Integration Discourse: Modern and Postmodern // *Journal of Psychology and Theology*. 2004. Vol. 32. No. 3. P. 232–247.
24. *Александр Дж.* Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // *Социология: методология, методы, математические модели*. 2004. № 18. С. 167–204.
25. *Кинг Э.* Критика гиперреальности Бодрийяра: К социологии постмодернизма // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал*. 2000. № 3. С. 5–10.
26. *Барт Р.* От науки к литературе // *Философия науки: Хрестоматия*. М.: Прогресс-Традиция; Флинта, 2005. С. 832–840.
27. *Аппиньянези Р., Гэррет К.* Знакомьтесь: постмодернизм. М.: Академический проект, 2004.
28. *Matthewman S., Hoey D.* What Happened to Postmodernism // *Sociology*. 2006. Vol. 40 (3). P. 529–547.
29. *Полякова Н.* XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
30. *Фурс В.* Эпистемологические импликации постмодерного состояния (посильные размышления) // *Топос*. 2000. № 1. С. 97–113.
31. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Соч.: В 2 т.* М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 407–524 [on-line]. URL: http://www.philosophy.ru/library/nietzsche/gen_mor.html.